

РОЛЬ СЕНАТОРСКОЙ РЕВИЗИИ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В РАЗРАБОТКЕ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА II В ОТНОШЕНИИ РАСКОЛЬНИКОВ

В.В. Ефимова

Аннотация. Несмотря на, казалось бы, достаточную степень проясненности в научной литературе хода выработки в правительственных кругах нового курса в отношении раскольников при Александре II, на наш взгляд, еще остается малоизученным вклад в этот процесс местных администраций и сенаторов, осуществлявших ревизию местного управления в начале этого царствования. В статье на примере ревизии Олонецкой губернии, проведенной в 1860 г. сенатором А.О. Дюгамелем, показано, на основе каких сведений он сформировал свое мнение о необходимых мерах по преодолению раскола. Сделан также вывод о том, что в отличие от местной епархиальной администрации гражданская администрация более критично оценивала результаты предшествующего периода борьбы с расколом и гораздо раньше осознала необходимость перехода к более либеральным мерам. Сенатор Дюгамель в особой докладной записке, представленной императору по итогам ревизии в 1861 г., не только активно поддержал этот переход, но по некоторым позициям даже пошел еще дальше местной администрации, предложив отменить некоторые запреты, наложенные на выговских раскольников, и использовать более гуманные способы борьбы с расколом. Мнение сенатора полностью поддержал Александр II. Статья написана на документах Национального архива Республики Карелия, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Олонецкая губерния, сенаторская ревизия, местная светская и духовная администрация, раскольники.

THE ROLE OF THE SENATORIAL AUDIT OF THE OLONETS GOVERNORATE IN THE DEVELOPMENT OF ALEXANDER II GOVERNMENT POLICY TOWARDS SCHISMATICS

E.V. Efimova

Abstract. Despite the seemingly sufficient degree of clarity in the scientific literature regarding the development of the new method of dealing with schismatics during Alexander II reign, we consider that the contribution of local authorities and senators who conducted audits in the beginning of his reign remains poorly studied. The article ponders on the example of Olonets Governorate audit held in 1860 by Senator A.O. Dühamel and shows the data which brought him to conclusion to take necessary measures to overcome the schism. It was also stated that in contrast to the local Diocesan Administration, the Civil Administration was more critical of the results of the previous anti-schism struggle and realized the need to use more liberal measures. In a special memo presented to the Emperor following the results of the audit in 1861, not only did Senator Dühamel support this transition, but also went further than the local administration in some areas and proposed to cancel some prohibitions imposed on the Vygov schismatics and to use more humane ways in the struggle with schism. Alexander II fully supported senator's point of view. The article is based on the documents from the Karelian National Archive, some of which have been used in the scientific discourse for the first time.

Keywords: The Olonets Governorate, senatorial audit, local secular and spiritual administration, schismatics.

Как известно, Александр II не был сторонником продолжения репрессивной политики своего отца в отношении раскольников. Противостояние сторонников старого и нового курса в начале его царствования весьма подробно освещено в исторической научной литературе, включая и современную [Ершова, 1999; Алексеева, 2003; Наградов, 2013]. Но, на наш взгляд, еще недостаточно учтено значение подчеркнутых в ходе сенаторских ревизий сведений о причинах и степени распространенности этого явления. Вниманию читателя предлагается рассмотреть, какие выводы были сделаны сенатором А.О. Дюгамелем, ревизовавшим в 1860 г. Олонецкую губернию, на основе предоставленных ему местной гражданской администрацией, а также полученных им самим после анализа положения дел по расколу, и как отреагировал на них царь.

Прежде чем начать, следует оговориться, что Олонецкая губерния не стала бы объектом сенаторской ревизии, если бы между бывшими тогда олонецким гражданским губернатором Н.П. Волковым и председателем Олонецкой палаты государственных имуществ Ф.С. Лизандером не возникли разногласия, вышедшие за рамки приличия [Ефимова, 2007, с. 16–43]. Согласно же сенаторской инструкции 1819 г. при назначении общей ревизии сенатор был обязан входить в рассмотрение всех сфер деятельности губернских администраций. Кроме этого, так случилось, что данная ревизия пришлось на время, когда консервативному крылу в правительственных кругах удалось настоять на продолжении прежнего религиозного курса, и все внимание «было сосредоточено на подготовительных работах по сбору и систематизации данных о расколе, проводившихся II Отделением Собственной его императорского величества канцелярии и Особым комитетом» [Алексеева, 2003, с. 66–167]. Олонецкая же губерния в этом отношении представляла собой весьма примечательный объект для исследования, т.к. именно здесь находился крупнейший центр старообрядчества в Российской империи — Выговская пустынь, которая всего за несколько лет до ревизии (в 1854–1857 гг.) была упразднена. Методы, которыми это было сделано губернскими гражданскими властями, даже православные священники-миссионеры впоследствии называли «мамаевым разорением», т.к. при удалении проживавших там раскольников и упорствующих выселению, применялись весьма грубые меры физического воздействия¹. Кроме этого, было сожжено около 3 тыс. рукописей, иковерканы иконы. И хотя олонецкий губернатор Н.П. Волков, на время нахождения которого в этой должности пришлось сенаторская ревизия, лично не участвовал в этих событиях, но именно при нем в августе 1857 г. были закрыты последние действовавшие в Данилове и Лексе часовни, а их имущество, включая оставшиеся после «мамаева разорения» книги и рукописи, по высочайшему повелению от 9 июля 1856 г. были описаны и переданы в ведение местного епархиального ведомства. В конце 1857–начале 1858 гг. по его же распоряжению была запечатана молельня в доме даниловского крестьянина Степана Иванова². При этом у хозяина дома были отобраны все иконы в богатых серебряных окладах. Он просил их вернуть обратно,

---

¹ По данным губернских властей в 1853 г. там еще проживало до 800 раскольников обоего пола [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 775, л. 42].

² Считался последним из «большаков» Даниловского расколического монастыря. Олонецкое епархиальное начальство пыталось удалить его из Даниловского селения [НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 17, л. 36].

но этого сделано не было [НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 17, л. 29–37, 91–92; Пругавин, 1883, с. 478; Островский, 1914, с. 99].

Глава Олонецкой епархии архиепископ Аркадий¹ и после смены царствований продолжил осуществлять бескомпромиссно жесткую политику в отношении раскольников, постоянно требуя от гражданских властей пресекать всяческие «оказательства» раскола. Ниже мы приведем в пример лишь одно из таких дел, возникших по его инициативе, но именно оно будет упомянуто сенатором в особой докладной записке царю в 1861 г.

Началось это дело в январе 1857 г., когда архиепископ представил губернатору сведения о противозаконных действиях по расколу нескольких крестьян Ялгубского прихода Петрозаводского уезда, «через что раскол в сильной степени развился». Эти крестьяне, писал Аркадий, признаваемые в народе расколу учителями, не только публично проповедуют свое ложное учение, совращают православных в раскол, исполняют требы и перекрещивают взрослых и малолетних, но и публично произносят «хулу на святую церковь, называют царя антихристом и похитителем власти божеской и человеческой». Однако назначенное следствие передавалось между чиновниками, которые, не желая его производить, оправдывались разными причинами. Губернатор Волков спохватился лишь тогда, когда узнал о назначении сенаторской ревизии. Желая, как обычно, успеть перед ее началом завершить больше дел, он поручил 9 октября произвести следствие состоявшему при Олонецком губернском правлении чиновнику Т.М. Рудницкому. Тот провел следствие весьма оперативно: уже 23 ноября и 5 декабря им были отправлены в Петрозаводскую городскую тюрьму 6 крестьян, которые были обвинены «в совращении в раскол, публичном проповедовании своей ереси и в произношении в высшей степени дерзких и неприличных слов против особы Государя Императора и Правительства, а также хулы против священнодействия православной церкви и духовенства». 9 декабря материалы следствия были представлены губернатору, который, в свою очередь, передал их на рассмотрение в суд 1-й инстанции. Кроме этого, Рудницкий рапортовал об обращении в православие более 40 крестьян-раскольников.

Однако, Петрозаводский уездный суд, изучив материалы следствия, заключил, что, во-первых, оно неполное, и, во-вторых, невероятно, чтобы Рудницкому удалось за столь краткое время обратить в православие столько раскольников, в то время как миссионеру Дубровскому за несколько лет своей деятельности² не удалось даже приблизиться к такому числу. Поэтому суд в конце декабря 1859 г. просил губернатора его дополнить. В декабре же губернатору была подана от заключенных в тюрьму раскольников жалоба на пристрастие Рудницкого при проведении их допросов и вымогательстве у них 2 тыс. руб. серебром. Они утверждали, что Рудницкий грозил им, что в случае не дачи ему этих денег, он отберет у обельных крестьян жалованную

---

¹ Был епископом Олонецким и Петрозаводским с 1851 г. по 1869 г. [Олонецкая епархия..., 2001, с. 201–202].

² Указом Синода от 7 ноября 1855 г. назначен миссионером в Повенецкий и Петрозаводский уезды. Позже под его начало будет передан и Олонецкий уезд [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 775, л. 64об.].

грамоту¹, а также содержал их под арестом несколько суток в земской избе. Волков потребовал от Олонецкого губернского правления принять соответствующие меры и последнее 31 декабря приказало петрозаводскому земскому исправнику В.П. Ивашинцову дополнить следствие, в т.ч. проведя дознание о действиях Рудницкого. 10–11 января 1860 г. исправник провел допросы содержащихся в тюрьме раскольников, во время которых они, естественно, все отрицали по вмененным им в вину действиям, но продолжали обвинять Рудницкого в вымогательстве у них 2 тыс. руб., а также утверждали, что они или их родственники давали ему от 2 до 25 руб. за снятие выдвигаемых против них архиепископом обвинений или освобождение из-под караула. После этого раскольники были отправлены из тюрьмы на места своего жительства, где Ивашинцов стал проводить очные ставки с обвинявшими их крестьянами, а позже и с самим Рудницким. В то же время 46 крестьян, с которых Рудницкий снял показания в виде повального спроса, обвинили его в подделке их показаний, утверждая, что они только свидетельствовали о том, что посаженные в тюрьму крестьяне являются раскольниками, но не слышали ничего об их противозаконных действиях по расколу. В результате в деле остались лишь показания 6 обвинителей. Большинство же из крестьян, давших подписку Рудницкому о возвращении в православие, заявили, что были принуждены им к этому весьма пристрастными действиями: содержанием в холодных избах и подполах, «устрашиванием» и даже применением к двум из них мер физического воздействия.

16 января 1860 г. о данном деле из жалобы крестьян-раскольников А. Михайлова и А. Степанова узнал сенатор А.О. Дюгамель. Они писали, что чиновник Рудницкий вместо исполнения своей обязанности по расследованию, начал это дело вымогательством с разных крестьян денег и взятием их под стражу прежде допросов; а Ивашинцов, дополнявший это следствие, хотя и обнаружил ясно противозаконные действия Рудницкого, но провел следствие поверхностно. Раскольники просили сенатора приказать рассмотреть в Губернском правлении прежде суда все представленные ими «важные» обстоятельства, а также принять от них все доказательства без исключения, «служащие к открытию истины», но будет еще лучше провести дополнительное следствие. Кроме этого, они указывали, что Рудницкий не раз был удаляем от должности, поэтому задавались вопросом – может ли такой человек «быть вполне благонамеренным следователем в деле чистой совести, как настоящее». Изучив материалы обоих следствий и выслушав личные объяснения лишь одного Ивашинцова, сенатор 21 января предложил Губернскому правлению уволить Рудницкого от службы на основании самой страшной для чиновников той эпохи статьи из «Устава о службе по определению от правительства», а именно – ст. 1239², и произвести особой комиссией под председательством все того же Ивашинцова формального следствия о действиях как раскольников Ялгубского прихода, так и Рудницкого.

---

¹ Из заключенных крестьян Г. Спирков П. Константинов и М. Ефимов были обельными крестьянами.

² Чиновник, увольнявшийся по п. 3. ст. 1239, т. е. по неблагонадежности, увольнялся без объяснения причин и поэтому не мог жаловаться, а все его просьбы о возвращении к прежней должности или предании суду, не только должны были оставаться без действия и движения, но не могли быть принимаемы ни в Сенат, ни в Комиссию прошений. Вот почему, пытавшийся попасть на прием к сенатору Рудницкий не был им принят.

Явившегося к нему в начале марта из Ялгубы с объяснениями Рудницкого он не принял [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 2845, л. 5–7, 15–17, 256–259, 283–286; НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 2999а, л. 2–6, 27, 32–35; НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 3025, л. 1–15, 18–51, 99–100, 120].

На помощь к Рудницкому попытался прийти архиепископ Аркадий, подав губернатору Волкову 19 февраля 1860 г. отношение, в котором продолжал не только настаивать на противозаконных действиях ялгубских раскольников, но и называл Ивашинцова «неблагонадежным, пристрастным следователем, сильно поддерживающим сторону раскольников». Он требовал применить к этим раскольникам всю силу «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» и оградить Ялгубский приход от ереси, Церковь от оскорблений, а Ивашинцова отстранить от следствия [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 2845, л. 387–404]. Однако это не помогло. Сенатор же получил возможность на этом примере продемонстрировать царю, какими противозаконными мерами могли проводиться следствия против раскольников в Олонецкой губернии.

В начале июля 1860 г. сенатор обревизовал губернаторскую канцелярию и обратил внимание, что книги по секретному столу, в котором тогда, по преимуществу, рассматривались дела о раскольниках, «не в порядке», следствия по ним медлительны, секретная переписка не получает окончания. Всего же в представленных сенатору ведомостях было показано, что в 1859 г. в его производстве находится 36 нерешенных дел о раскольниках, а самое раннее из них началось в 1844 г. В еще большем беспорядке были найдены журналы Петрозаводского секретного совещательного комитета о раскольниках [НА РК, ф. 2, оп. 40, д. 621, л. 2–8, 28; НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 30/11, л. 1–9, 45, 96–100]. Из данных делопроизводств сенатор мог, например, узнать о наложенном в конце 1856 г. запрете даниловским раскольникам нанимать для разных хозяйственных работ окрестных крестьян и о переписке по поводу запрета некоторым торговым людям приезжать в Данилов и Лексу [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 625; НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 17, л. 1–2, 10–21, 61].

23 июля сенатор затребовал от и.о. губернатора, вице-губернатора С.М. Барановича¹ «по внезапно встретившейся экстренной надобности» весьма подробные сведения о раскольниках, расписанные в 14 пунктах. В первую очередь, его интересовали подробные статистические данные за последние 5 лет о числе явных и тайных раскольников в каждом уезде и городе за каждый год, сколько из них состоит под полицейским надзором, к каким они принадлежат сектам, сколько по ним было произведено в судебных местах дел и чем они закончились, какие принимались меры к обращению раскольников в православие и каков их результат. Запрашивалась также информация по истории появления и уничтожения Выго-Лексинского общежительства и планах на будущее в отношении этих селений; где сейчас находятся «скопища закоренелых раскольников-фанатиков и какой секты» и, наконец, «постоянно ли были согласные действия против раскольников духовных и гражданских властей» и когда были «не согласные», то более подробно объяснить, почему. Сенатор просил собрать эту информацию в течение трех недель [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 775, л. 1–2].

---

¹ Губернатор Волков в это время по просьбе сенатора под благовидным предлогом был отозван в Петербург [Автобиография..., 1885, с. 199].

Итоговая записка от вице-губернатора о современном состоянии раскола в Олонецкой губернии была датирована 20 августом. Чуть ранее — 16 августа — аналогичную записку представил архиепископ Аркадий. В уточнении информации о возможных нынешних «скопищах» раскольников участвовали земские исправники. Такой оперативный ответ оказался возможным также потому, что подобные сведения стали тщательно собираться местной администрацией для губернаторских отчетов, начиная с 1854 г. [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 776].

Из представленного в этой записке подробного статистического материала укажем только сводное количество официальных раскольников по церковным документам: в 1855 г. — 4295; в 1856 г. — 4158, в 1857 г. — 4059, в 1858 г. — 4045, в 1859 г. — 3296. Но кроме явных раскольников показывалось примерное число тайных, которых было в 1856 г. — 8589; в 1857 г. — 9043, в 1858 г. — 8640, в 1859 г. — 8117 душ обоего пола¹. Вице-губернатор уверял сенатора, что различия между сектами филипповцев, даниловцев и федосьевцев сгладились, что фанатизм их ослабел и раскол проявляется лишь в обрядах службы и домашнем быту. Было особо замечено, что молодые раскольники, «чтобы не лишить гражданских прав» своих детей, с согласия родителей венчаются по православному обряду, но потом только числятся православными, бывая только на исповеди. Отмечалось, что раскольники более грамотны, состоятельны и предприимчивы по сравнению с православным населением. Очень обстоятельно вице-губернатор рассуждал о причинах раскола, которые он разделил на внешние и внутренние. Внешние были сведены к огромной протяженности губернии и неудобству существующих путей и средств передвижения; активной связи олонечких раскольников с раскольниками других губерний, Петербурга и даже Великого княжества Финляндского; ненадлежащим присмотром сельской и волостной администрации за «сектаторами». Но главной причиной раскола считалась внутренняя, а именно: духовное и умственное состояние здешних жителей: «Вся духовная жизнь их заключается в религии (для них не существует интересов науки, искусства, службы государству и обществу), а все сводится к исполнению треб и обрядов». Кроме этого, они не знают христианских истин, и это невежество делает их доступными суеверию. В завершении этой части записки вице-губернатор назвал раскольников «бедными жертвами невежества», ищущими «в ереси способа достичь вечного блаженства».

Среди мер, предпринятых по гражданскому ведомству против раскола с 1855 г., перечислялись: 1. «Совершенное обуздание своеволия» бывших раскольничьих монастырей в Данилове и Лексе; возвращение находившихся там раскольников и раскольниц к местам их приписки по ревизии; установление за оставшимися неослабного полицейского надзора. 2. Поручение той же полиции, в целях уничтожения связи этих раскольников со своими единомышленниками и покровителями из других губерний и Финляндии, наблюдения за приезжающими к ним раскольникам и строго ограниченную выдачу им паспортов для выезда. 3. Закрытие за последние 5 лет 50 часовен и молелен; уничтожение могил их святых и других памятников

---

¹ Сведения о них стали собираться по Высочайшему повелению, изложенном министром внутренних дел в циркуляре от 4 июля 1854 г.

раскола. 4. Передачу икон старого письма, старопечатных и рукописных книг епархиальному начальству. 5. Наблюдение за пристанодержателями страннической секты. 6. Распространение «элементарного образования» путем расширения сети школ, которых в 1859 г. по ведомству Министерства государственных имуществ было 19 (обучается 688 детей) и 8 горнозаводских школ (обучается 329 детей).

Среди мер, принятых епархиальным начальством, указывались: 1. Увещевания не бывающих у причастия и совращенных в раскол. 2. Образование 3 благочинных округов из-за распространения секты странников. 3. Открытие 2 миссионерских округов, 3 единоверческих и 5 православных приходов, строительство нескольких приписных церквей и увеличение сумм на разъезды священников и миссионеров. 4. Образование при церквях 84 училищ (обучается 71 мальчик и 75 девочек) и открытие училища для девиц духовного звания (обучается 36 девочек).

Главным последствием принятых мер полагалось то, что Данилов и Лекса потеряли свое значение как центр Поморской секты. Для окончательного уничтожения их влияния предлагалось привести в действие предложенное еще в 1856 г. общее постановление губернского и епархиального начальства об устройстве там православного монастыря. При этом бездетных раскольников предполагалось переписать в другие уезды, а оставшуюся после них землю, а также пустующие здания передать монастырю. Однако вице-губернатор уточнял, это предположение еще находится в рассмотрении Синода. Затем в записке подробно описывалась миссионерская деятельность, в результате которой по данным епархиального начальства: в единоверчество было обращено в 1858 г. — 69, а в 1859 г. — 169 душ обоего пола; в православие: в 1855 г. — 96, в 1856 г. — 113, в 1857 г. — 79, в 1858 г. — 140, в 1859 г. — 256 душ обоего пола.

Среди мер борьбы с расколом предлагалось: 1) умножение числа православных приходов, церквей и сельских училищ, к чему уже, впрочем, «приступлено, т. к. об этом ведется переписка»; 2) установление пособий от казны школам при церквях; 3) увеличение отпускаемых сумм на разъезды священникам и миссионерам [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 755, л. 48–79]¹.

По приезду в Петербург, как пишет в своей биографии сенатор Дюгамель, представляя при встрече с императором отчет о проведенной ревизии, он доложил, что «единственный вопрос, которого я не осмелился касаться в этом рапорте, относится к положению раскольников», но «собрал все материалы по нему». Через 2 недели по требованию императора он представил дополнительную записку, которая вызвала бурю возмущений «за слишком благоприятную оценку раскольников» [Автобиография, 1885, с. 200]. К сожалению, мы пока не располагаем текстом оригинальной записки сенатора, которая обсуждалась в Комитете министров в 1861 г., поэтому вынуждены дать ее в редакции С.М. Середонина, опубликовавшем только ее резолютивную часть. Но даже в таком виде она представляет особый интерес, т. к. по каждому

---

¹ К записке прилагало несколько ведомостей с данными за 5 лет о числе раскольников разных сект; о раскольниках, состоящих под надзором полиции; о преступлениях раскольников против веры и церкви, находящихся в судебных местах.

пункту предложений сенатора Александром II были даны резолюции. Это дает нам возможность не только сравнить, как оценивали современное состояние раскола в губернии и перспективы борьбы с ним олонецкая администрация и сенатор, но и продемонстрировать отношение к этому императора. Всего же на обсуждение Комитета выносилось 18 пунктов [Исторический обзор, 1902, с. 209–211].

В первом пункте сенатор высказал свою точку зрения на причины существования раскола в Олонецкой губернии. Он ее усмотрел в «плачевном состоянии сельского духовенства» (резолюция царя: *«Вот, что грустно»*). В п. 6 он повторился, что «нельзя ожидать успеха от мер, принимаемых против раскола, если церковные притчи остаются в дурном состоянии (резолюция царя: *«обратить на это тоже особое внимание Синода»*). Как станет понятно из повторного обсуждения записки Дюгамеля по этой позиции в Комитете министров в 1861 г., сенатор имел в виду «совершенное отсутствие образования в сельском духовенстве и неудовлетворительное состояние его нравственности». Откуда сенатор подчеркнул данное мнение, для нас остается открытым вопросом, т.к. об этом ни слова не было сказано ни в записке вице-губернатора, ни в других изученных нами документах.

В последующих пунктах сенатор критически оценивал действующие в отношении выговских раскольников некоторые административные запреты и ограничения. Он отметил, что уже «сделано представление о необходимости разрешить раскольникам Даниловского и Лексинского селений иметь работников» (резолюция царя: *«что по сему решено?»*)¹. Он также считал, что «воспрещение Даниловским и Лексинским раскольникам отлучаться из места их жительства и недозволение торговым лицам приезжать в эти селения совершенно лишит средств к существованию и таким образом уподобит место их жительства тюремному замку» (резолюция царя: *«обращая на это особое внимание Комитета министров»*). Как можно заметить, вице-губернатор в своей докладной записке вообще предпочел никак не комментировать наложенные на раскольников выго-лексинского общежительства административные запреты. Он лишь дал осторожно-позитивную оценку поведения старообрядцев трех толков. Поэтому можно заключить, что сенатор здесь высказал собственное мнение, которое, как он утверждал в своей автобиографии, и вызвало «бурю» возмущения «за слишком благоприятную оценку раскольников». Кстати, позже, в 1865 г., олонецкий губернатор Ю.К. Арсеньев, в связи с очередной жалобой крестьян Даниловской волости министру внутренних дел на разные притеснения со стороны местных духовных властей, также весьма положительно оценил раскольников даниловской секты² и снова предлагал позволить получить им паспорта и «свободно разъезжать, куда пожелают, по своим торговым и семейным делам». Губернатор обосновывал эту необходимость весьма схожим с сенаторским рассуждением аргументом: «сидя почти в заточении, эти последние представители безвозвратно минувшего могущества

---

¹ Такое представление было сделано губернатором Волковым 16 января 1860 г. [НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 17, л. 81–97].

² Старообрядцы этого толка составляли подавляющее большинство всех раскольников в Олонецкой губернии. В 1859 г. их было, если довериться данным, указанным в записке олонецкого вице-губернатора, 81,5% [НА РК, ф. 1, оп. 46, д. 775, л. 68–69].

Даниловской секты¹ являются в глазах окрестного населения какою-то силою, которую правительство опасается, и мучениками за веру» [Пругавин, 1883, с. 479].

В отдельный пункт сенатор вынес свое распоряжение относительно раскольника Степана Иванова, которому было объявлено: «что отобранные у него иконы не будут ему возвращены, если он не обратится в православие» (резолуция царя: *«немедленно возвратить все украшения и те иконы, которые не противны Православию»*). Эта история также не затрагивалась в записке вице-губернатора, но представляется, что об этом сенатор мог узнать, ревизуя делопроизводство секретного стола губернаторской канцелярии или, что еще более вероятно, Степанов обратился с жалобой к сенатору, как это поспешили, например, сделать ялгубские раскольники. Мы видим также, что в этом вопросе сенатор был непреклонен, но царь оказался более радикальным. История с иконами, впрочем, имела продолжение. Как можно понять из представления, сделанного губернатором Арсеньевым, воля императора не была выполнена и в 1865 г. Губернатор, впрочем, полагал, что иконы, отобранные у Иванова, «составляют его личную собственность и завещаны ему бывшим большеком на праве пожизненного владения», поэтому их следует вернуть ему [Пругавин, 1883, с. 479].

Далее сенатор подверг критической оценке деятельность олонецкого архиепископа: «Преосвященный Аркадий, не стесняясь предписаниями Синода и требованиями гражданского начальства, действует по своему произволу» (резолуция царя: *«обращаю на действия Преосв. Аркадия особое внимание Св. Синода»*). Заметим в этой связи, что в своей записке вице-губернатор уклонился от ответа на последний вопрос сенатора о необходимости особо указать, если были какие-либо разногласия в действиях гражданских и духовных властей по расколу. Однако они, несомненно, были. Укажем, например, что в своем донесении в Синод в 1859 г. архиепископ резко критиковал местные гражданские власти за «послабления», допускаемые в отношении выговских раскольников². Также напомним, что в своем отношении к губернатору Волкову от 19 февраля 1860 г. архиепископ сетовал на нежелание полицейских чиновников, проводивших следствие до Рудницкого и после него, оперативно расследовать противозаконные действия ялгубских раскольников. В этом можно усмотреть начавшийся в конце 1850-х гг. отход гражданских властей от активной борьбы с раскольниками, который, впрочем, замечается исследователями и на примере других губерний [Наградов, 2013, с. 144].

В следующих трех пунктах сенатор осуждал до сих пор использовавшиеся в губернии в отношении раскольников меры: 1) «вместо кротости и разоблачения ложного учения, употребляются угрозы и насилие» (резолуция царя была адресована также к Синоду с требованием обратить на это особое внимание); 2) «чиновник Рудницкий, производивший следствие об ялгубских раскольниках, руководствовался

---

¹ Губернатор указывал, что в двух этих селениях, состоящих теперь из православных государственных крестьян-переселенцев из Псковской губернии, «живет явных раскольников до 180 обоого пола».

² В частности, он писал, что Данилов и Лекса по-прежнему остаются главными пунктами раскольничьих сборищ, т. к. несмотря на запреты лексинские раскольницы тайно проводят там богослужения и беспрепятственно входят в эти селения [НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 17, л. 1–5].

направлением духовенства и действовал с корыстной целью (резолюция царя: «!!!»); 3) «дело о Ялгубских раскольниках рассмотреть судебным порядком» (резолюция царя: «о последствиях донести»). Выше мы достаточно подробно изложили обстоятельства этого дела, позволившие сенатору продемонстрировать императору на этом примере, какими способами могли принуждаться к переходу в православие старообрядцы в Олонецкой губернии. Впрочем, здесь сенатор высказался абсолютно в русле высочайше утвержденной 20 января 1858 г. «новой системы действий» против раскольников, главным из которых было ведение раскольничьих дел общим судебным порядком, предписанным для всех подданных государя [Ершова, 1999, с. 136, 166–167; Алексеева, 2003, с. 164–165; Наградов, 2013, с. 42].

Далее сенатор приступил к обсуждению тех мер, которые были бы наиболее эффективны в отношении раскольников. Во-первых, он полагал, что лишь «одни кроткие меры и сильное слово с раскрытием истинных начал христианской религии и благовидный образ жизни духовных лиц может со временем уверить сектанта в его заблуждениях» (резолюция царя: «совершенно справедливо»). Следует признать, что в этом вопросе сенатор согласился с мнением олонецкого вице-губернатора. Во-вторых, он указал на необходимость расширения в губернии сети училищ, учрежденных на хороших основаниях» (резолюция царя: «сообразить»). Здесь сенатор, безусловно, воспринял высказанную в записке вице-губернатора мысль о необходимости казны поддержать школы, заведенные при православных церквях, правда, при этом не уточнил, какого же рода учебные заведения следует заводить. В-третьих, он предлагал увеличить число единоверческих приходов (резолюция царя: «сообразить, как сие исполнить»). Здесь сенатор выступал, по-видимому, от собственного имени, т. к. такого предложения в записке вице-губернатора не было.

В последних пяти пунктах сенатор напоминал о выдвинутом губернской светской и духовной администрациями предположении об организации в Даниловском селеении православного монастыря и изложил свои аргументы против, т. к. полагал, что: 1) устроенный монастырь уподобится вскоре другим штатным монастырям и выделенные на него деньги «будут напрасно брошены» (резолюция царя: «обсудить, будет ли от этого польза»); 2) было бы несправедливо и «не соответствующим правилам православной церкви» отнимать у оставшихся там раскольников принадлежащую им на праве частной собственности землю (резолюция царя: «нахожу меру эту неблагоприятною и несправедливою»); 3) «с изгнанием раскольников из Данилова и Лексы образуется средоточие раскольников, в виде тайного скита, в другом месте Повенецкого уезда, о чем известно и епархиальному начальству» (резолюция царя: «где?»¹). Взамен сенатор предлагал обратить бывшие раскольничьи часовни Данилова и Лексы в единоверческие церкви, оставив раскольников в их домах (резолюция царя: «сообразить»).

Для нас важен и представленный С.М. Середониным ход обсуждения докладной записки сенатора Дюгамеля в Комитете министров. Главным оппонентом сенатора выступил обер-прокурор Синода А.П. Толстой. Во-первых, он заявил, что

---

¹ Земские исправники в ответ на запросы, разосланные им в 1860 г., отрицали наличие таких скитов в своих уездах.

архиепископ Аркадий «постоянно отличается попечением о благе вверенной ему паствы. Успешная деятельность православного духовенства вполне доказывается учреждением при нем при местных церквях, без правительственного пособия, 84 училищ»¹. Во-вторых, он полагал взгляд сенатора на образ действий Аркадия и православное духовенство в Олонецкой губернии «односторонним», и было это вызвано, по его мнению, принадлежностью к римско-католической церкви не только самого сенатора, но и многих должностных лиц в обревизованной им губернии, и, прежде всего, «олонецкого вице-губернатора, двух советников губернского правления и земского исправника» (резолуции царя: «кто такие?» и «по моему мнению от подобных лиц можно напротив того ожидать более беспристрастия»). Хотя последняя резолюция императора позволяет не выяснять, кто же имелся в виду из олонечких чиновников, но все же укажем, что на момент проведения ревизии, т.е. в 1-й половине 1860 г., членами Олонецкого губернского правления состояли: и. о. губернатора вице-губернатор Станислав Михайлович Баранович, советники Андрей Иванович Бюргер (затем заменивший его Сигизмунд Феликсович Карачевский) и Виктор Степанович Башинский. Кто имелся в виду из земских исправников, и кто из них был не православного вероисповедания, требует дополнительных изысканий.

В защиту архиепископа Аркадия и нравственности олонечкого духовенства в разъяснениях, данных членам Комитета министров при повторном обсуждении доклада по резолюциям императора, мы видим следующие аргументы, предложенные обер-прокурором Синода: 1) что «нравственность паствы, как видно из увеличения числа исполняющих долг исповеди и Св. Причастия, постоянно увеличивается², чего никак не могло бы быть при безнравственности духовенства» (резолуция царя: «к несчастию увеличение это часто бывает мнимое, т. е. за деньги, платимые священникам такими лицами, которые никогда не были ни у исповеди, ни у причастия»); 2) что архиепископ Аркадий и духовенство губернии действует исключительно лишь «кроткими мерами увещания... и преподанных от Св. Синода постановлений» (резолуция царя: «Дай Бог, чтоб оно так и было»). Как видно, аргументы обер-прокурора были весьма голословными, что понял и Александр II.

Подведем итоги. В данной статье проанализированы материалы, которые были представлены по требованию сенатора А.О. Дюгамеля олонечкой гражданской администрацией в лице вице-губернатора С.М. Барановича, а также извлеченные самим сенатором из служебной документации, а также поступивших к нему жалоб и прошений в процессе проведения ревизии дел по раскольникам. Оказалось, что олонечкая гражданская администрация гораздо быстрее, нежели епархиальная, осознала всю не перспективность продолжения применения жестких мер против раскольников, о чем и представила сенатору. Тот, в свою очередь, оказался еще более радикальным, предложив отменить некоторые запреты, наложенные на выго-лексинских раскольников, а также

---

¹ Это замечание доказывает, что члены Комитета (по крайней мере Толстой) внимательно читали оригинальную записку Дюгамеля, а возможно, и материалы, им собранные.

² Взято из п. 12 докладной записки Дюгамеля, где приведены такие цифры: в 10 приходах «Корелии» в 1857 г. было раскольников у исповеди и Св. Причастия 341 м. и 213 ж., в 1858 г. — 474 м. и 261 ж., в 1859 г. — 849 м. и 532 ж. (резолуция царя: «Слава Богу!»).

не приводить в действие некоторые предположения в их отношении, выдвинутые епархиальным начальством в лице архиепископа Аркадия. Царь активно поддержал мнение сенатора, т.к. нашел в нем еще одно важное подтверждение необходимости скорейшего перехода к новому правительственному курсу в отношении раскольников. Таким образом, доказано, что определенную роль в ускорении этого процесса сыграла олонекская гражданская администрация и сенатор А.О. Дюгамель.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М.: Унив. тип., 1885. 278 с.

Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904. СПб.: Наука, 2003. 276 с.

Ершова Е.П. Старообрядчество и власть. М.: Уникум-центр, 1999. 203 с.

Ефимова В.В. Из истории взаимоотношений олонекских губернаторов и Палаты государственных имуществ (по материалам «лесного дела» 1857–1864 годов) // *Новое в юридической науке и образовании: сб. науч. ст.* Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 16–43.

Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3. Ч. II / сост. С.М. Середонин. СПб.: Изд-е канцелярии Комитета министров, 1902. 315 с.

Наградов И.С. Расколоть «раскол»: государственная конфессиональная политика и ее влияние на развитие старообрядчества во второй четверти XIX–первой четверти XX вв. (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Кострома: Кострома-издат, 2013. 350 с.

Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 30/11.

НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 17.

НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 625.

НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 755.

НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 775.

НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 776.

НА РК. Ф. 2. Оп. 40. Д. 621.

НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2845.

НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2999а.

НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3025.

Олонекская епархия: Страницы истории / сост. Н.А. Басова и др. Петрозаводск: Б. и., 2001. 253 с.

Островский Д.В. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск: Ол. губ. тип., 1914. 137 с.

Пругавин А.С. Губернаторское описание Выгорецкого общежительства // *Исторический вестник*. 1883. № 8. С. 477–479.

REFERENCES

Avtobiografiya Aleksandra Osipovicha Dyugamelya [Autobiography of Alexander Osipovich Dugamel]. Moscow: Univ. tip., 1885. 278 p. (in Russian).

Alekseeva S.I. *Svyateishii Sinod v sisteme vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdenii poreformennoi Rossii 1856–1904* [The Holy Synod in the system of higher and central state institutions of Post-Reform Russia 1856–1904]. St. Petersburg: Nauka, 2006. 276 p. (in Russian).

Ershova E.P. *Staroobryadchestvo i vlast'* [Old Belief and Power]. Moscow: Unikum-tsentr, 1999. 203 p. (in Russian).

Efimova V.V. Iz istorii vzaimootnoshenii olonetskikh gubernatorov i Palaty gosudarstvennykh imushchestv (po materialam "lesnogo dela" 1857–1864 godov) [From the history of relations between Olonets governors and the Chamber of state property (from "forest of things" 1857–1864 years)], in *Novoe v yuridicheskoi nauke i obrazovanii: sb. nauch. st.* [New in legal science and education: collection of scientific works]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. Pp. 16–43 (in Russian).

Istoricheskii obzor deyatelnosti Komiteta ministrov [Historical review of the activities of the Committee of Ministers]. Vol. 3. Part II. Comp. S.M. Seredonin. St. Petersburg: Izd-e kantselyarii Komiteta ministrov, 1902. 315 p. (in Russian).

Nagrado V.I. *Raskolot' "raskol": gosudarstvennaya konfessional'naya politika i ee vliyaniye na razvitiye staroobryadchestva vo vtoroi chetverti XIX–pervoi chetverti XX vv. (na materialakh Kostromskoi i Yaroslavskoi gubernii)* [Split "schism": state confessional policy and its influence on the development of the Old Believers in the second quarter of the XIX–first quarter of the XX centuries (based on the materials of the Kostroma and Yaroslavl provinces)]. Kostroma: Kostromitin, 2013. 352 p. (in Russian).

National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). F. 1. Inv. 1. D. 30/11.

NA RK. F. 1. Inv. 36. D. 17.

NA RK. F. 1. Inv. 46. D. 625.

NA RK. F. 1. Inv. 46. D. 755.

NA RK. F. 1. Inv. 46. D. 775.

NA RK. F. 1. Inv. 46. D. 776.

NA RK. F. 2. Inv. 40. D. 621.

NA RK. F. 9. Inv. 1. D. 2845.

NA RK. F. 9. Inv. 1. D. 2999a.

NA RK. F. 9. Inv. 1. D. 3025.

Olonetskaya eparkhiya: Stranitsy istorii [Olonets diocese: Pages of history]. Comp. N.A. Basso et al. Petrozavodsk: Bez izd-va, 2001. Pp. 201–202 (in Russian).

Ostrovskii D.V. *Vygovskaya pustyn' i ee znachenie v istorii staroobryadcheskogo raskola* [Vygovskaya hermitage and its significance in the history of the Old Believer schism]. Petrozavodsk: Ol. gub. tip., 1914. 137 p. (in Russian).

Prugavin A.S. *Gubernatorskoe opisaniye Vygoreskogo obshchegzhitel'stva* [Gubernatorial description of the Vygoresky community], in *Istoricheskii vestnik*. 1883. No 8. Pp. 477–479 (in Russian).